

АРКАДИЙ ГАЙДАР

ВОЕННАЯ
ТАЙНА

Аркадий Гайдар
Военная тайна

«Public Domain»

1935

Гайдар А. П.

Военная тайна / А. П. Гайдар — «Public Domain», 1935

«Из-за какой-то беды поезд два часа простоял на полустанке и пришел в Москву только в три с половиной. Это огорчило Натку Шегалову, потому что севастопольский скорый уходил ровно в пять и у нее не оставалось времени, чтобы зайти к дяде. Тогда по автомату, через коммутатор штаба корпуса, она попросила кабинет начальника – Шегалова...»

Аркадий Гайдар

Военная тайна

Из-за какой-то беды поезд два часа простоял на полустанке и пришел в Москву только в три с половиной.

Это огорчило Натку Шегалову, потому что севастопольский скорый уходил ровно в пять и у нее не оставалось времени, чтобы зайти к дяде.

Тогда по автомату, через коммутатор штаба корпуса, она попросила кабинет начальника – Шегалова.

– Дядя, – крикнула опечаленная Натка, – я в Москве!.. Ну да: я, Натка. Дядя, поезд уходит в пять, и мне очень, очень жаль, что я так и не смогу тебя увидеть.

В ответ, очевидно, Натку выругали, потому что она быстро затараторила свои оправдания. Но потом сказали ей что-то такое, отчего она сразу обрадовалась и заулыбалась.

Выбравшись из телефонной будки, комсомолка Натка поправила синюю косынку и вскинула на плечи не очень-то тугий походный мешок. Ждать ей пришлось недолго. Вскоре рывкнул гудок, у подъезда вокзала остановилась машина, и крепкий старик с орденом распахнул перед Наткой дверцу.

– И что за горячка? – выбранил он Натку. – Ну, поехала бы завтра. А то «дядя», «жалко»... «поезд в пять часов»...

– Дядя, – виновато и весело заговорила Натка, – хорошо тебе – «завтра». А я и так на трое суток опоздала. То в горьком сказали: «завтра», то вдруг мать попросила: «завтра». А тут еще поезд на два часа... Ты уже много раз был в Крыму да на Кавказе. Ты и на бронепоезде ездил, и на аэроплане летал. Я однажды твой портрет видела. Ты стоишь, да Буденный, да еще какие-то начальники. А я нигде, ни на чем, никуда и ни разу. Тебе сколько лет? Уже больше пятидесяти, а мне восемнадцать. А ты – «завтра» да «завтра»...

– Ой, Натка! – почти испуганно ответил Шегалов, сбитый ее бестолковым, шумным натиском. – Ой, Натка, и до чего же ты на мою Маруську похожа!

– А ты постарел, дядя, – продолжала Натка. – Я тебя еще знаешь каким помню? В черной папаше. Сбоку у тебя длинная блестящая сабля. Шпоры: грох, грох. Ты откуда к нам приезжал? У тебя рука была прострелена. Вот однажды ты лег спать, а я и еще одна девочка – Верка – потихоньку вытащили твою саблю, спрятались за печку и рассматриваем. А мать увидела нас да хворостиной. Мы – реветь. Ты проснулся и спрашиваешь у матери: «Отчего это, Даша, девчонки режут?» – «Да они, проклятые, твою саблю вытащили. Того гляди, сломают». А ты засмеялся: «Эх, Даша, плохая бы у меня была сабля, если бы ее такие девчонки сломать могли. Не трогай их, пусть смотрят». Ты помнишь это, дядя?

– Нет, не помню, Натка, – улыбнулся Шегалов. – Давно это было. Еще в девятнадцатом. Я тогда из-под Бессарабии приезжал.

Машина медленно продвигалась по Мясницкой. Был час, когда люди возвращались с работы. Неумолчно гремели грузовики и трамваи. Но все это нравилось Натке – и людской поток, и пыльные желтые автобусы, и звенящие трамваи, которые то сходились, то разбегались своими путаными дорогами к каким-то далеким и неизвестным ей окраинам: к Дангауэровке, к Дорогомиловке, к Сокольникам, к Тюфелевой и Марьиной Рощам и еще и еще куда-то.

И когда, свернув с тесной Мясницкой к Земляному Валу, шофер увеличил скорость так, что машина с легким, упругим жужжанием понеслась по асфальтовой мостовой, широкой и серой, как туго растянутое суконное одеяло, Натка сдернула синий платок, чтобы ветер сильнее бил в лицо и трепал, как хочет, черные волосы.

В ожидании поезда они расположились на тенистой террасе вокзального буфета. Отсюда были видны железнодорожные пути, яркие семафоры и крутые асфальтовые платформы, по которым спешили люди на дачные поезда.

Здесь Шегалов заказал два обеда, бутылку пива и мороженое.

– Дядя, – задумчиво сказала Натка, – три года тому назад я говорила тебе, что хочу быть летчиком или капитаном морского парохода. А вот случилось так, что послали меня сначала в совпартшколу – учись, говорят, в совпартшколе, – а теперь послали на пионерработу: иди, говорят, и работай.

Натка отодвинула тарелку, взяла блюдечко с розовым, быстро тающим мороженым и посмотрела на Шегалова так, как будто она ожидала ответа на заданный вопрос.

Но Шегалов выпил стакан пива, вытер ладонью жесткие усы и ждал, что скажет она дальше.

– И послали на пионерработу, – упрямо повторила Натка. – Летчики летят своими путями. Пароходы плывут своими морями. Верка – это та самая, с которой мы вытащили твою саблю, – через два года будет инженером. А я сижу на пионерработе и не знаю почему.

– Ты не любишь свою работу? – осторожно спросил Шегалов. – Не любишь или не справляешься?

– Не люблю, – созналась Натка. – Я и сама, дядя, знаю, что нужная и важная... Все это я знаю сама. Но мне кажется, что я не на своем месте. Не понимаешь? Ну вот, например: когда грянула гражданская война, взяли бы тогда тебя и сказали: не трогайте, Шегалов, винтовку, оставьте саблю и поезжайте в такую-то школу и учите там ребят грамматике и арифметике. Ты бы что?

– Из меня грамматик плохой бы тогда вышел, – насторожившись, отшутился Шегалов. Он помолчал, вспомнил и, улыбнувшись, сказал: – А вот однажды сняли меня с отряда, отозвали с фронта. И целых три месяца в самую горячку считал я вагоны с овсом и сеном, отправлял мешки с мукой, грузил бочонки с капустой. И отряд мой давно уже разбили. И вперед наши давно уже прорвались. И назад наших давно уже шарахнули. А я все хожу, считаю, вешаю, отправляю, чтобы точнее, чтобы больше, чтобы лучше. Это как, по-твоему?

Шегалов глянул в лицо нахмурившейся Натки и добродушно переспросил:

– Ты не справляешься? Так давай, дочка, подучись, подтянись. Я и сам раньше кислую капусту только в солдатских щах ложкой хлебал. А потом пошла и капуста вагонами, и табак, и селедка. Два эшелона полудохлой скотины и те сберег, выкормил, выправил. Приехали с фронта из шестнадцатой армии приемщики. Глядят – скотина ровная, гладкая. «Господи, – говорят, – да неужели же это нам такое привалило? А у нас полки на одной картошке сидят, усталые, отошальные». Помню, один беспокойный комиссар так и норовит, так и норовит со мной поцеловаться.

Тут Шегалов остановился и серьезно посмотрел на Натку:

– Целоваться я, конечно, не стал: характер не позволяет. Ешьте, говорю, товарищи, на доброе здоровье. Да... Ну вот. О чем это я? Так ты не робей, Натка, тогда все, как надо, будет. – И, глядя мимо рассерженной Натки, Шегалов неторопливо поздоровался с проходившим мимо командиром.

Натка недоверчиво глянула на Шегалова. Что он: не понял или нарочно?

– Как не справляюсь? – с негодованием спросила она. – Кто тебе сказал? Это ты сам выдумал. Вот кто!

И, покрасневшая, уязвленная, она бросила ему целый десяток доказательств того, что она справляется. И справляется неплохо, справляется хорошо. И что на конкурсе на лучшую подготовку к летним лагерям они взяли по краю первое место. И что за это она получила вот эту самую путевку на отдых в лучший пионерский лагерь, в Крым.

– Эх, Натка! – пристыдил ее Шегалов. – Тебе бы радоваться, а ты... И посмотрю я на тебя... ну до чего же ты, Натка, на мою Маруську похожа!.. Тоже была летчик! – с грустной улыбкой закончил он и, звякнув шпорами, встал со стула, потому что ударил звонок и рупоры громко закричали о том, что на севастопольский № 2 посадка.

Через туннель они вышли на платформу.

– Поедешь назад – телеграфируй, – говорил ей на прощанье Шегалов. – Будет время – приеду встречать, нет – так кого-нибудь пришлю. Погостишь два-три дня. Посмотришь Шурку. Ты ее теперь не узнаешь. Ну, до свиданья!

Он любил Натку, потому что крепко она напоминала ему старшую дочь, погибшую на фронте в те дни, когда он носился со своим отрядом по границам пылающей Бессарабии.

Утром Натка пошла в вагон-ресторан. Там было пусто. Сидел рыжий иностранец и читал газету; двое военных играли в шахматы.

Натка попросила себе вареных яиц и чаю. Ожидая, пока чай остынет, она вынула из-за цветка позабытый кем-то журнал. Журнал оказался прошлогодним.

«Ну да... все старое: „Расстрел рабочей демонстрации в Австрии“, „Забастовка марсельских докеров“. – Она перевернула страничку и прищурилась. – И вот это... Это тоже уже прошлое».

Перед ней лежала фотография, обведенная черной траурной каемкой: это была румынская, вернее молдавская, еврейка-комсомолка Марица Маргулис. Присужденная к пяти годам каторги, она бежала, но через год была вновь схвачена и убита в суровых башнях кишиневской тюрьмы.

Смуглое лицо с мягкими, не очень правильными чертами. Густые, немного растрепанные косы и глядящие в упор яркие, спокойные глаза.

Вот такой, вероятно, и стояла она; так, вероятно, и глядела она, когда привели ее для первого допроса к блестящим жандармским офицерам или следователям беспощадной сигуранцы.

...Марица Маргулис.

Натка закрыла журнал и положила его на прежнее место.

Погода менялась. Дул ветер, и с горизонта надвигались стремительные тяжелые облака. Натка долго смотрела, как они сходятся, чернеют, потом движутся вместе и в то же время как бы скользят одно сквозь другое, упрямо собираясь в грозовые тучи.

Близились непогода, и официанты поспешно задвигали тяжелые запылившиеся окна.

...Поезд круто затормозил перед небольшой станцией. В вагон вошли еще двое: высокий, сероглазый, с крестообразным шрамом ниже левого виска, а с ним шестилетний белокурый мальчуган, но с глазами темными и веселыми.

– Сюда, – сказал мальчуган, указывая на свободный столик.

Он проворно взобрался на стул и, стоя на коленях, подвинул к себе стеклянную вазу.

– Папа... – попросил он, указывая пальцем на большое красное яблоко.

– Хорошо, но потом, – ответил отец.

– Ладно, потом, – согласился мальчуган и, взяв яблоко, положил его рядом с тарелкой. Человек достал папиросу.

– Алька, – попросил он, – я забыл спички. Пойди принеси.

– Где? – спросил мальчуган и быстро соскочил со стула.

– В купе, на столике, а если нет на столике, то в кармане в пальто.

– То в кармане в пальто, – повторил мальчуган и направился к открытой двери вагона.

Человек в сером френче открыл газету, а Натка, которая с любопытством слушала весь этот короткий разговор, посмотрела на него искоса и неодобрительно.

Но вот за окном, подавая сигнал к отправлению, засвистел кондуктор.

Человек во френче отложил газету и быстро вышел. Вернулись они уже вдвоем.

– Ты зачем приходил? Я бы и сам принес, – спросил мальчуган, опять забираясь колесами на сиденье стула.

– Я это знаю, – ответил отец. – Но я вспомнил, что позабыл другую газету.

Поезд ускорил ход. С грохотом пролетел он через мост, и Натка загляделась на реку, на луга, по которым хлестал грозовой ливень. И вдруг Натка заметила, что мальчуган, спрашивая о чем-то у отца, указывает рукой в ее сторону. Отец, не оборачиваясь, кивнул головой.

Мальчуган, придерживаясь за спинку стульев, направился к ней и приветливо улыбнулся.

– Это моя книжка, – сказал он, указывая на торчавший из-за цветка журнал.

– Почему твоя? – спросила Натка.

– Потому что это я забыл. Ну, утром забыл, – объяснил он, подозревая, что Натка не хочет отдать ему книжку.

– Что же, возьми, если твоя, – ответила Натка, заметив, как заблестели его глаза и быстро сдвинулись едва заметные брови. – Тебя как зовут?

– Алька, – отчетливо произнес он и, схватив журнал, убежал к своему месту.

Еще раз Натка увидела их уже тогда, когда она сошла в Симферополе. Алка смотрел в распахнутое окно и что-то говорил отцу, указывая рукой на голубые вершины уже недалеких гор.

Поезд умчался дальше, на Севастополь, а Натка, вскинув сумку, зашагала в город, чтобы сегодня же с первой автомашиной уехать на берег этого совсем незнакомого ей моря.

В синих шароварах и майке, с полотенцем в руках, извилистыми тропками спускалась Натка Шегалова к пляжу.

Когда она вышла на платановую аллею, то встретила поднимающихся в гору ребят-новичков. Они шли с узелками, баульчиками и корзинками, веселые, запыленные и усталые. Они держали наспех подобранные круглые камешки и хрупкие раковины. Многие из них уже успели набить рты кислым придорожным виноградом.

– Здорово, ребята! Откуда? – спросила Натка, поравнявшись с этой шумной ватагой.

– Ленинградцы!.. Мурманцы!.. – охотно закричали ей в ответ.

– Машиной, – спросила Натка, – или с парохода?

– С парохода, с парохода! – точно обрадовавшись хорошему слову, дружно загалдели только что приплывшие ребята.

– Ну, идите, да идите не по аллее, а сверните влево, вверх по тропке, – тут ближе.

Когда Натка уже спустилась на горячие камни, к самому берегу, то увидела, что по дороге из Ялты во весь дух катит на велосипеде старший вожатый пионерского лагеря Алеша Николаев.

– Натка, – соскакивая с велосипеда, закричал он сверху, – уральцы приехали?

– Не видала, Алеша. Ленинградцев сейчас встретила да утром человек десять каких-то. Кажется, опять украинцы.

– Ну, значит, еще не приехали... Натка, – закричал он опять, вскакивая в седло велосипеда, – выкупаешься, зайди ко мне или к Федору Михайловичу! Есть важное дело.

– Какое еще дело? – удивилась Натка, но Алеша махнул рукой и умчался под гору.

Море было тихое; вода светлая и теплая.

После всегда холодной и быстрой реки, в которой привыкла Натка купаться еще с детства, плыть по соленым спокойным волнам показалось ей до смешного легко. Она заплывала далеко. И теперь отсюда, с моря, эти кипарисовые парки, зеленые виноградники, кривые тропинки и широкие аллеи – весь этот лагерь, раскинувшийся у склона могучей горы, показался ей светлым и прекрасным.

...На обратном пути она вспомнила, что ее просил зайти Алеша. «Какие у него ко мне дела, да еще важные?» – подумала Натка и, свернув на крутую тропку, раздвигая ветви, направилась в ту сторону, где стоял штаб лагеря.

Вскоре она очутилась на полянке, возле низенькой будки с водопроводным краном. Ей захотелось пить. Вода была теплая и невкусная. Недавно неожиданно обмелел пополнявшийся горными ключами бассейн. В лагере встревожились, бросились разыскивать новые источники и наконец нашли небольшое чистое озеро, которое лежало в горах. Но работы подвигались что-то очень медленно.

...Алешу Николаева Натка не застала. Ей сказали, что он только что ушел в гараж. Оказывается, у уральцев в двенадцати километрах от лагеря сломалась машина и они приехали гонцов просить о помощи.

Гонцы – это Толька Шестаков и Владик Дашевский – сидели тут же на скамейке, раскрасневшиеся и гордые. Однако гордость эта не помешала Тольке набить по дороге карманы яблоками, а Владiku – запустить огрызком в спину какому-то толстому, неповоротливому мальчугану.

Мальчуган этот долго и сердито ворочался и все никак не мог понять, от кого ему попало, потому что Толька и Владик сидели невозмутимые и спокойные.

– Ты откуда? Вас сколько приехало? – спросила Натка у неповоротливого и недогадливого паренька.

– Из-под Тамбова. Один я приехал, – басистым и застенчивым голосом ответил мальчуган. – Из колхоза я. Меня в премию послали.

– Как – в премию? – не совсем поняла Натка.

– Баранкин мое фамилие. Семен Михайлов Баранкин, – охотно объяснил мальчуган. – А послали меня в премию за то, что я завод придумал.

– Какой завод?

– Походный, фильтровальный, – серьезно ответил Баранкин, и, недоверчиво посмотрев в ту сторону, где сидели смиренные и лукавые гонцы, он добавил сердито: – И кто это в спину кидается? Тут и так вспотел, а еще кидаются.

Натка не успела расспросить Баранкина подробнее, потому что с крыльца ее окликнул высокий старик. Это и был начальник лагеря, Федор Михайлович.

– Заходи, – сказал он, пропуская Натку в комнату. – Садись. Вот что, Ната, – начал он таким ласковым голосом, что Натка сразу встревожилась, – в верхнем санаторном отряде заболел вожатый Корчаганов, а помощница его Нина Карашвили порезала ногу о камень. Ну конечно, нарыв. А у нас, сама видишь, сейчас приемка, горячка; хорошо, ты так кстати подвернулась.

– Но я ничего не понимаю ни в приемке, ни в горячке, – испугалась Натка. – Я и сама тут, Федор Михайлович, третий день.

– Да тебе и понимать ничего не надо, – взмахнул длинными, костлявыми руками напористый старик. – Там есть и фельдшерица и сестры. Они сами примут. А твое дело что? Ты будешь вожатым. Ну, разобьешь по звеньям, наметишь звеньевых; выберете совет отряда. Да что тебе объяснять? Была же ты вожатым!

– Два года, – сердито ответила Натка. – А долго ли, Федор Михайлович, этот Корчаганов болеть будет? Он, может быть, еще недели две пролежит?

– Что ты, что ты! – отмахиваясь руками и качая головой, заговорил начальник. – Ну, пять, шесть дней. А там снова гуляй, сколько хочешь. Вот и хорошо, что быстро договорились. Я люблю, чтоб быстро. Ну а теперь иди, иди. А то Нина одна совсем запуталась.

– Да сколько хоть человек в этом отряде? – унылым голосом спросила Натка.

– Там узнаешь, иди, иди, – повторил старик, поднимаясь со скрипучего камышового стула. И, широко шагая к выходу, он добавил: – Вот и хорошо. Очень хорошо, что быстро договорились.

...Всех отрядов в лагере было пять. Три дня в верхнем санаторном, куда неожиданно попала вожатой Натка, бушевала неумная суета.

Только что прибыла последняя партия – средневожжцы и нижегородцы. Девчата уже вымылись и разбежались по палатам, а мальчики, грязные и запыленные, нетерпеливо толпились у дверей ванной комнаты.

В ванную они заходили партиями по шесть человек. Дорвавшись до воды, они визжали, барахтались, плескались и затыкали пальцами краны так, что вода била брызгами в широко распахнутое окно, из-под которого уже несколько раз доносился строгий голос копавшегося в цветочных грядках чернорабочего Гейки.

– Будет, будет вам баловаться! – хриплым басом кричал в окно босой длинноротый Гейка. – Вот погодите, сорву крапиву да через окно крапивой. И что за баловная нация!..

Несколько раз забежал в ванную дежурный по отряду, веснушчатый пионер Иоська Розенцвейг, и, отчаянно картавя, кричал:

– Что за безобразие? Прекратите это безобразие!

И новенькие ребята, которые еще не знали, что сам-то Иоська всего только третий день в лагере, а озорник он еще больший, чем многие из них, затихали. Под грозные Иоськины окрики они смущенно выскакивали из воды и, кое-как вытершись, натягивали трусы.

Выбегали они из ванной стайками. Чистые, в синих трусах, в серых рубашках с резинкой, и, еще не успев подвязать красные галстуки, наперегонки неслись занять очередь к парикмахеру.

– Иоська! – окликнула Натка. – Вот что, дежурный. Всех, кто от парикмахера, направляй к фельдшеру – оспу прививать... А то как по площадке гоняться, то все тут, а как оспу прививать, то никого нет. Ну-ка, быстренько!

– Оспу! – выбегая на площадку, грозно кричал маленький и большеголовый Иоська. – Кто не прививал, вылетай живо!

– Нина! – окликнула Натка, увидав на террасе свою незадачливую помощницу, которая тихонько переступала, опираясь на бамбуковую палку. – Ты зачем ходишь? Ты сиди. Сколько у нас октябрят, Нина?

– Октябрят у нас десять человек, как раз звено. К ним звеньевым надо Розу Ковалеву. А как с черкесом Ингуловым? Он, Натка, ни слова по-русски.

– Ингулова, Нина, надо в то же звено, в котором казачонок-кубанец.

– Лыбатько?

– Ну да, Лыбатько. Он немного говорит по-черкесски. А башкирку Эмине оставь пока у октябрят. Они хорошо друг друга понимают и без языка. Вот она как носится!

Из-за угла стремительно вылетел дежурный Иоська.

– Время к ужину! – запыхавшись, крикнул он, отдуваясь и подпрыгивая, как будто кто-то поймал его арканом за ногу.

– Подавай сигнал, – ответила Натка, – сейчас я приду. – «Надо Иоську в звеньевые выделить, – подумала Натка. – Маленький, смешной, а проворный парень».

В половине девятого умывались, чистили зубы. С целой пачкой градусников приходила заступившая на ночь дежурная сестра, и Натка отправлялась с коротким рапортом о делах минувшего дня к старшему вожатому всего лагеря. После этого она была свободна.

Вечер был жаркий, лунный, и с волейбольной площадки, где играли комсомольцы, долго раздавались крики, удары мяча и короткие судейские свистки.

Но Натка не пошла к площадке, а, поднявшись в гору, свернула по тропинке, к подножию одинокого утеса. Незаметно зашла она далеко, устала и села на каменную глыбу под стволом раскидистого дуба. Под обрывом чернело спокойное море. Где-то тарахтела моторная лодка. Тут только Натка разглядела, что почти рядом с ней, под тенью кипарисов, притаившись у обрыва, под скалой, без света в окнах, стоит маленький, точно игрушечный, домик. Чьи-то шаги слышались из-за поворота, и Натка подвинулась глубже в черную тень листвы, чтобы ее не заметили. Вышли двое. Луна осветила их лица. Но даже в самую черную ночь Натка узнала бы их по голосам. Это был тот высокий, белокурый, во френче, а рядом с ним, держась за руку, шагал маленький Алька. Перед тем как подойти к дереву, в тени которого пряталась Натка, они, по-видимому, о чем-то поспорили и несколько шагов прошли молча. – А как по-твоему, – останавливаясь, спросил высокий, – стоит ли нам, Алька, из-за таких пустяков ссориться? – Не стоит, – согласился мальчуган и добавил сердито: – Папка, папка, ты бы меня хоть на руки взял. А то мы все идем да идем, а дома все нет и нет. – Как нет? Вот мы и пришли! Ну, смотри – вот дом, а вот я уже и ключ вынул. Они свернули к крыльцу, и вскоре в крайнем окошке, выходящем на море, вспыхнул свет. «Они через Севастополь приехали, – догадалась Натка. – Что же они здесь делают?»

...В комнате у дежурной сестры Натке сказали, что Толька Шестаков, подкравшись на четвереньках в палату к девочкам, тихонько схватил башкирку Эмине за пятку, отчего эта башкирка ужасно заорала, да рыжеволосая толстушка Вострецова долго хохотала и мешала девочкам спать. А в общем, улеглись спокойно. Это порадовало Натку, и она пошла за угол в свою комнатку, которая была здесь же, рядом с палатами. Ночь была душная. Ночью в море что-то гремело, но спала Натка крепко и к рассвету увидела хороший сон. Проснулась Натка около семи. Завернувшись в простыню, она пошла под душ. Потом босиком вышла на широкую террасу. Далеко в море дымили уходящие к горизонту военные корабли. Отовсюду из-под густой непросохшей зелени доносилось звонкое щебетанье. Неподалеку от террасы чернорабочий Гейка колот дрова. – Хорошо! – негромко крикнула Натка и рассмеялась, услышав откуда-то из-под скалы такой же, как и ее, вскрик – веселое, чистое эхо. – Натка... ты что? – услышала она позади себя удивленный голос. – Корабли, Нина... – не переставая улыбаться, ответила Натка, указывая рукой на далекий сверкающий горизонт. – А ты слышала, Натка, как сегодня ночью они в море бахали? Я проснулась и слышу: у-ух! у-ух! Встала и пошла к палатам. Ничего, все спят. Один Владик Дашевский проснулся. Я ему говорю: «Спи». Он лег. Я – из палаты. А он шарах на террасу. Забрался на перила, ухватился руками за столб, и не оторвешь его. А в море огни, взрывы, прожекторы. Мне и самой-то интересно. Я ему говорю: «Иди, Владик, спать». И просила, и ругала, и обещала на линейке вызвать. А он стоит, молчит, ухватился за столб и как каменный. Неужели ты ничего не слыхала? – Нина, – помолчав, спросила Натка, – ты не встречала здесь таких двоих?... Один высокий, в сапогах и в сером френче, а с ним маленький, белокурый, темноглазый мальчуган. – В сером френче... – повторила Нина. – Нет, Натка, в сером френче с мальчуганом не встречала. А кто это? – Я и сама не знаю. Такой забавный мальчуган. – Видела я человека во френче, – не сразу вспомнила Нина. – Только тот был без мальчугана и ехал верхом по тропке в горы. Конь у него был высокий, худой, а сапоги грязные.

– И большой шрам на лице, – подсказала Натка.

– Да, большой шрам на лице. Это кто, Натка? – спросила Нина и с любопытством посмотрела на подружку.

– Не знаю, Нина.

– Я встал, можно звонить подъем? – басистым голосом сообщил, выдвигаясь из-за двери, дежурный.

– Можно, – сказала Натка. – Звони. – «Экий увалень!» – подумала она, глядя, как, размахивая короткими руками, Баранкин уверенно направился к колоколу.

Это и был тот самый пионер тамбовского колхоза Баранкин, которого послали «в премию» за то, что он во время весеннего сева организовал походный ремонтно-фильтровальный завод.

Все оборудование этого завода умещалось на ручной тележке и состояло из двух лоханей, одного решета, трех старых мешков, двух скребков и кучи тряпок. И, выезжая в поле за тракторами, этот ребячий завод фильтровал воду для моторов и во время стоянок очищал тракторы от грязи.

Баранкин подошел к колоколу, крепко зажал в кулак конец лохматой бечевки и ударил так здорово, что разом обернувшиеся Нина и Натка закричали ему, чтобы он звонил потише.

...Среди соснового парка, на песчаном бугре, ребята, разбившись кучками, расположились на отдых.

Занимался каждый чем хотел. Одни, собравшись возле Натки, слушали, что читала она им о жизни негров, другие что-то записывали или рисовали, третьи потихоньку играли в камешки, четвертые что-то строгали, пятые просто ничего не делали, а, лежа на спине, считали шишки на соснах или потихоньку баловались.

Владик Дашевский и Толька Шестаков разместились очень удобно. Если они повертывались на правый бок, было слышно то, что читала Натка про негров. Если на левый, им было слышно то, что читал Иоська про полярные путешествия ледокола «Малыгин». Если отползти немного назад, то можно было из-за куста, и очень незаметно, запустить в спину Кашину и Баранкину еловую шишку. И, наконец, если подвинуться немного вперед, можно было кончиком прута пощекотать пятки башкирки Эмине, которая бойко обставляла в камешки трех русских девочек и затесавшегося к ним октябренька Карасикова.

Так они и сделали. Послушали и про негров, и про ледокол. Бросили две шишки в спину Баранкину, но не решились провести Эмине прутом по пяткам, потому что заранее знали, что подпрыгнет она с таким визгом, как будто ее за ногу ухватила собака.

– Толька, – спросил Владик, – а ты слышал, как ночью сегодня бабахнуло? Я сплю, вдруг бабах... бабах... Как на фронте. Это корабли в море стреляли. У них маневры, что ли. А я, Толька, на фронте родился.

– Врать-то! – равнодушно ответил Толька. – Ты всегда что-нибудь да придумаешь.

– Ничего не врать, мне мама все рассказала. Они тогда возле Брест-Литовска жили. Ты знаешь, где в Польше Брест-Литовск? Нет? Ну, так я тебе потом на карте покажу. Когда пришли в двадцатом красные, этого мать не запомнила. Тихо пришли. А вот когда красные отступали, то очень хорошо запомнила. Грохот был или день, или два. И день и ночь грохот. Сестренку Юльку да бабу Юзефу мать в погреб спрятала. Свечка в погребе горит, а бабка все бормочет, молится. Как чуть стихнет, Юлька наверх вылезает. Как загрохочет, она опять нырк в погреб.

– А мать где? – спросил Толька. – Ты все рассказывай, по порядку.

– Я и так по порядку. А мать все наверху бегаёт: то хлеб принесет, то кринку молока достанет, то узлы завязывает. Вдруг к ночи стихло. Юлька сидит. Нет никого, тихо. Хотела она вылезать. Толкнулась, а крышка погреба заперта. Это мать куда-то ушла, а сверху ящик поставила, чтобы она никуда не вышла. Потом хлопнула дверь – это мать. Открыла она погреб. Запыхалась, сама растрепанная. «Вылезайте», – говорит. Юлька вылезла, а бабка не хочет. Не вылезит. Насилу уговорили ее. Входит отец с винтовкой. «Готовы? – спрашивает. – Ну, скорее». А бабка не идет и злобно на отца ругается.

– Чего же это она ругалась? – удивился Толька.

– Как отчего? Да оттого ругалась, зачем отец поляк, а с русскими красными уходит.

– Так и не пошла?

– И не пошла. Сама не идет и других не пускает. Отец как посадил ее в угол, так она и села. Вышли наши во двор да на телегу. А кругом все горит: деревня горит, костел горит... Это от снарядов. А дальше у матери все смешалось: как отступали, как их окружали, потому что тут на дороге я родился. Из-за меня наши от красных отбились и попали в плен к немцам, в Восточную Пруссию. Там мы четыре или пять лет и прожили.

– Отец-то почему с винтовкой приходил?

– А он, Толька, в народной милиции был. Когда в Польшу пришли красные, так у нас народная милиция появилась. Помещиков ловили и еще там разных... Как поймают, так и в ревком.

– Нельзя было отцу оставаться, – согласился Толька. – Могли бы, пожалуй, потом и повесить.

– Очень просто. У нас дедушка нигде не был, только в ревкоме рассыльным, и то год в тюрьме держали. А сестра у меня – ей уже сейчас двадцать восемь лет, – так она и теперь в тюрьме сидит. Сначала посадили ее – три года сидела. Потом выпустили – три года на воле была. Теперь опять посадили. И уже четыре года сидит.

– Скоро опять выпустят?

– Нет, еще не скоро. Еще четыре года пройдет, тогда выпустят. Она в Мокотовской тюрьме сидит. Оттуда скоро не выпускают.

– Она коммунистка?

Владик молча кивнул головой, и оба притихли, обдумывая свой разговор и прислушиваясь к тому, что читала Натка о неграх.

– Толька! – тихо и оживленно заговорил вдруг Владик. – А что, если бы мы с тобой были ученые? Ну, химики, что ли. И придумали бы мы с тобой такую мазь или порошок, которым если натрешься, то никто тебя не видит. Я где-то такую книжку читал. Вот бы нам с тобой такой порошок!

– И я читал... Так ведь все это враки, Владик, – усмехнулся Толька.

– Ну и пусть враки! Ну а если бы?

– А если бы? – заинтересовался Толька. – Ну, тогда мы с тобой уж что-нибудь придумали бы.

– Что там придумаешь! Купили бы мы с тобой билеты до заграницы.

– Зачем же билеты? – удивился Толька. – Ведь нас бы и так никто не увидел.

– Чудак ты! – усмехнулся Владик. – Так мы бы сначала, не натершись, поехали. Что нам на советской стороне натираться? Доехали бы мы до границы, а там пошли бы в поле и натерлись. Потом перешли бы границу. Стоит жандарм – мы мимо, а он ничего не видит.

– Можно было бы подойти сзади да кулаком по башке стукнуть, – предложил Толька.

– Можно, – согласился Владик. – Он, поди-ка, тоже, как Баранкин, все оглядывался бы, оглядывался: откуда это ему попало?

– Вот уж нет, – возразил Толька. – В Баранкина это мы потихоньку, в шутку. А тут так дернули бы, что, пожалуй, и не завертишься. Ну ладно! А потом?

– А потом... потом поехали бы мы прямо к тюрьме. Убили бы одного часового, потом дальше... Убили бы другого часового. Вошли бы в тюрьму. Убили бы надзирателя...

– Что-то уж очень много убили бы, Владик! – поежившись, сказал Толька.

– А что их, собак, жалеть? – холодно ответил Владик. – Они наших жалеют? Недавно к отцу товарищ приехал. Так когда стал он рассказывать отцу про то, что в тюрьмах делается, то меня мать на улицу из комнаты отослала. Тоже умная! А я взял потихоньку сел в саду под окошком и все до слова слышал. Ну вот, забрали бы мы у надзирателя ключи и отворили бы все камеры.

– И что бы мы сказали? – нетерпеливо спросил Толька.

– Ничего бы не сказали. Крикнули бы: «Бегите, кто куда хочет!»

– А они бы что подумали? Ведь мы же натертые, и нас не видно.

– А было бы им время раздумывать? Видят – камеры отперты, часовые побиты. Небось сразу бы догадались.

– То-то бы они обрадовались, Владик!

– Чудак! Просидишь четыре года да еще четыре года сидеть, конечно, обрадуешься...

Ну а потом... потом зашли бы мы в самую богатую кондитерскую и наелись бы там разных печений и пирожных. Я один раз в Москве четыре штуки съел. Это когда другая сестра, Юлька, замуж выходила.

– Нельзя наедаться, – серьезно поправил Толька. – Я в этой книжке читал, что есть ничего нельзя, потому что пирожные – они ведь не натертые, их наешься, а они в животе просвечивать будут.

– А ведь и правда будут! – согласился Владик. И оба они расхохотались.

– Сказки все это, – помолчав, сознался и сам Владик. – Все это сказки. Чепуха!

Он отвернулся, лег на спину и долго смотрел в небо, так что Тольке показалось, что он прислушивается к тому, что читает Натка.

Но Владик не слушал, а думал о чем-то другом.

– Сказки, – повторил он, поворачиваясь к Тольке. – А вот в Австрии есть коммунист один. Он раньше солдатом был. Потом стал коммунистом. Так этот и без всяких натираний невидимый.

– Как – невидимый? – насторожился Толька.

– А так. С тех пор как убежал он из тюрьмы, три года его полиция ищет и все никак найти не может. А он то здесь появится, то там, у нас. В Львове он прямо открыто на собрании деповских рабочих выступил. Все так и ахнули. Пока полиция прибежала, а он уже полчаса проговорил.

– Ну, и что же полиция? Ну, и куда же он девался?

– А вот поди спроси куда, – с гордостью ответил Владик. – Как только полиция в двери, вдруг хлоп... свет погас. А окон много, и все окна почему-то распахнуты. Кинулась полиция к механику, а механик кричит, ругается. «Идите, – говорит, – к черту! У меня и без того беда: кажется, обмотка якоря перегорела».

– Так это он нарочно! – с восхищением воскликнул Толька.

– А вот поди-ка ты докажи, нарочно или не нарочно, – усмехнулся Владик и добавил уже снисходительно: – Рабочие прячут, оттого и невидимый. А ты что думал? Порошок, что ли?

Издалека донесся гул колокола – к обеду, и ребяташки, хватая подушки, простыни и полотенца, с визгом повскакали со своих мест.

После обеда полагалось ложиться отдыхать. Но в третьей палате плотники еще с утра пробивали новую дверь на террасу. Койки были вынесены, на полу валялись стружки и штукатурка, а плотники запаздывали.

Поэтому второму звену разрешено было отдыхать в парке.

Владик и Толька забрались в орешник. Толька вскоре задремал, но Владiku не спалось. Он ждал сегодня важного письма, но почтальон к обеду почему-то не приехал.

Владик вертелся с боку на бок и с завистью глядел на спокойно похрапывающего Тольку. Вскоре вертеться ему надоело, он приподнялся и подергал Тольку за ногу:

– Вставай, Толька! Чего спишь? Ночью выспишься.

Но Толька дрыгнул ногой и повернулся к Владiku спиной. Владик рассердился и дернул Тольку за руку:

– Вставай... вставай, Толька! Кругом измена! Все в плену. Командир убит... Помощник контужен. Я ранен четырежды, ты трижды. Держи знамя! Бросай бомбы! Трах-та-бабах! Отобьемся!..

И, всучив ошалелому Тольке полотенце вместо знамени и старый сандалий вместо бомбы, Владик потащил товарища через кусты под горку.

– За такие дела можно и по шее... – начал было рассерженный Толька.

– Отбились! – торжественно заявил Владик. – За такие геройские дела представляю тебя к ордену. – И, сорвав колючий репейник, Владик прицепил его к Толькиной безрукавке. – Брось, Толька, дуться! Вон под горою какой-то дом. Вон за горою какая-то вышка. Вон там, в овраге, что-то стучит. Вон под ногами у нас кривая тропка. Что за дом? Что за вышка? Кто стучит? Куда тропка? Гайда, Толька! Все спят, никого нет, и мы все разведем.

Толька зевнул, улыбнулся и согласился.

Быстро, но осторожно, чтобы никому не попасться на глаза, они перебежали дорожки, ныряли в чащу кустарника, пролезали через колючие ограды, ползли вверх, спускались вниз, ничего не оставляя на своем пути незамеченным.

Так они наткнулись на ветхую беседку, возле которой стояла позеленевшая каменная статуя. Потом нашли глубокий заброшенный колодец. Затем попали в фруктовый сад, откуда мгновенно умчались, заслышав ворчанье злой собаки.

Продравшись через колючие заросли дикой ажины, они очутились на заднем дворе небольшой лагерной больницы.

Они осторожно заглянули в окно и в одной из палат увидели незнакомого мальчишку, который, скучая, лениво вертел красное яблоко.

Они легонько постучали в стекло и приветливо помахали мальчишке руками. Но мальчишка рассердился и показал им кулак. Они обиделись и показали целых четыре. Тогда злорадный мальчишка неожиданно громко заорал, призывая няньку. Испуганные ребята разом перемахнули через ограду и помчались наугад по тропинке.

Вскоре они очутились высоко над берегом моря. Слева громоздились изрезанные ущельями горы. Справа, посреди густого дубняка и липы, торчали остатки невысокой крепости.

Ребята остановились. Было очень жарко.

Торжественно гремел из-за пыльного кустарника мощный хор невидимых цикад.

Внизу плескалось море. А кругом – ни души.

– Это древняя крепость, – объяснил Владик. – Давай, Толька, поищем, может быть, и наткнемся на что-нибудь старинное.

Искали они долго. Они нашли выцветшую папиросную коробку, жестяную консервную банку, стоптанный башмак и рыжий собачий хвост. Но ни старинных мечей, ни заржавленных доспехов, ни тяжелых цепей, ни человеческих костей им не попало.

Тогда, раздосадованные, они спустились вниз. Здесь, под стеной, меж колючей травы, они наткнулись на темное, пахнущее сыростью отверстие.

Они остановились, раздумывая, как быть. Но в это время издалека, от лагеря, похожий отсюда на комариный писк, раздался сигнал к подъему.

Надо было уходить, но они решили вернуться сюда еще раз, захватив бечевку, палку, свечку и спички.

Полдороги они пробежали молча. Потом устали и пошли рядом.

– Владик, – с любопытством спросил Толька, – вот ты всегда что-нибудь выдумываешь. А хотел бы ты быть настоящим старинным рыцарем? С мечом, со щитом, с орлом, в панцире?

– Нет, – ответил Владик. – Я хотел бы быть не старинным, со щитом и с орлом, а теперешним, со звездой и с маузером. Как, например, один человек.

– Как кто?

– Как Дзержинский. Ты знаешь, Толька, он тоже был поляк. У нас дома висит его портрет, и сестра под ним написала по-польски: «Милый рыцарь. Смелый друг всего пролетариата». А когда он умер, то сестра в тюрьме плакала и вечером на допросе плюнула в лицо какому-то жандармскому капитану.

Пароход с почтой запоздал, и поэтому толстый почтальон, тяжело пыхтя и опираясь на старую суковатую палку, поднялся в гору только к ужину.

Отмахиваясь от обступивших его ребят, он называл их по фамилиям, а тех, кого знал, то и просто по именам.

– Коля, – говорил он басом и тащил за рукав тихо стоявшего мальчугана, – ну-ка, брат, распишись. Да не лезьте под руки, озорной народ! Дайте человеку расписаться. Тебе, Мишаков, нет письма. Тебе, Баранкин, письмо. И кто это тебе такие толстые письма пишет?

– Это мне брат из колхоза пишет, – громко отвечал Баранкин, крепко напирая плечом и протискиваясь сквозь толпу ребят. – Это брат Василий. У меня два брата. Есть брат Григорий – тот в Красной Армии, в броневом отряде. А это брат Василий – он у нас в колхозе старшим конюхом. Григория взяли, а Василий уже отслужил. У нас три брата да три сестры. Две грамотных, а одна еще неграмотная, мала девка.

– А теток у тебя сколько?

– А корова у вас есть?

– А курицы есть? А коза есть? – закричали Баранкину сразу несколько человек.

– Теток у меня нет, – охотно отвечал Баранкин, протягивая руку за шершавым пакетом. – Корова у нас есть, свинью закололи, только поросенок остался. А коз у нас в деревне не держат. От козы нам пользы мало, только огороду потрава. И что смеетесь? – добродушно и удивленно обернулся он, услышав вокруг себя дружный смех. – Сами спрашивают, а сами смеются.

Когда уже большинство ребят разошлось, то подошел Владик Дашевский и спросил, нет ли письма ему. Письма не было. Он неожиданно погрозил пальцем почтальону, потом равнодушно засвистел и пошел прочь, сбивая хлыстиком верхушки придорожной травы.

Натка Шегалова получила заказное с Урала от подруги – от Веры.

Сразу после ужина весь санаторный отряд ушел с Ниной на нижнюю площадку, где затевались игры.

В просторных палатах и на широкой лужайке перед террасой стало по-необычному тихо и пусто.

Натка прошла к себе в комнату, распечатала письмо, из которого выпал потертый и почему-то пахнувший керосином фотоснимок.

Возле толстого, охваченного чугунными брусьями столба, опустившись на одно колено и оттягивая пряжки кривой железной «кошки», стояла Вера. Ее черная глухая спецовка была перетянута широким брезентовым поясом, а к металлическим кольцам пояса были пристегнуты молоток, плоскогубцы, кусачки и еще какие-то инструменты.

Было понятно и то, что Верка собирается забраться на столб и что она торопится, потому что неподалеку от нее смотрел на провода не то инженер, не то электротехник, а рядом с ним стоял кто-то маленький, черноволосый – вероятно, бригадир или десятник. И лицо у этого черноволосого было озабоченное и сердитое, как будто его только что крепко выругали. День был солнечный. Вдалеке виднелись неясные серые громады незаконченных построек и клочья густого, черного дыма.

Письмо было короткое. Верка писала, что жива, здорова. Что практика скоро кончается. Что за работу по досрочному монтажу понижающей подстанции она получила премию. Что за короткое замыкание она получила выговор. А в общем, все хорошо – устала, поздоровела и перед началом занятий обязательно заедет с Урала в Москву, и там хорошо бы с Наткой встретиться.

Натка задумалась. Она с любопытством посмотрела еще раз на черную пыльную спецовку, на тяжелые, толстые ботинки, на ту торопливую хватку, с которой пристегивала Верка железные десятифунтовые «кошки», и с досадой отодвинула фотоснимок, потому что она завидовала Верке.

Неожиданно обе половины оконной занавески раздвинулись, и оттуда высунулась круглая голова Баранкина.

– Баранкин, – удивилась и рассердилась Натка, – ты почему не на площадке? Ребята играют, а ты что?

– Это не игра, – убежденно произнес Баранкин, наваливаясь грудью на подоконник. – Ну, завязали мне ноги в мешок – беги, говорят. Я шагнул – и бац на землю. Шагнул – и опять бац. А они смеются. Потом положили в ложку сырое яйцо, дали в руки и опять – беги! Конечно, яйцо хлоп и разбилось. Разве же это игра? У нас в колхозе за такую игру и хворостиной недолго. – Он укоризненно посмотрел на Натку и добродушно добавил: – Я тут буду. Никуда не денусь. А лучше пойду помогу Гейке дрова пилить.

Круглая голова Баранкина скрылась.

Но через минуту покрасневшее лицо его опять просунулось в комнату.

– Забыл, – спокойно сказал он, увидав недовольное лицо Натки. – Проходил мимо площадки, где комсомольцы в мяч играют. Остановили и наказывают: беги шибче, и если Шегалова свободна, пусть скорее идет. Совсем забыл, – повторил он и, неловко улыбнувшись, почему-то вспомнил: – У нас в колхозе как-то ночью амбар подожгли. Брата не было. Кинулся я в сарай лошадь запрягать – темно. А чересседельник с гвоздя как соскочит да мне прямо по башке. Так всю память и отшибло. Насилу я во двор вылез. А амбар горит, горит...

– Баранкин, – спросила Натка, положив руку на его крепкое плечо, – у тебя мать есть?

– Есть. Александрой зовут, – охотно и обрадованно ответил Баранкин. – Александра Тимофеевна. Она у нас в колхозе скотницей. Всю эту весну пролежала. Теперь ничего... поздоровела. Бык ее в грудь боднул. У нас хороший бык, породистый. В Моршанске прошлую зиму колхоз за шестьсот рублей купил... Иду, иду! – крикнул Баранкин, оборачиваясь на чей-то далекий хриплый окрик. – Это Гейка зовет, – объяснил он. – Мы с ним дружки.

Когда Натка спускалась к площадке, солнце уже скрывалось за морем. Бесшумно заскользили серые вечерние стрижи. Задымили сторожевые костры на виноградниках. Зажглись зеленые огни створного маяка. Ночь надвигалась быстро, но игра была в самом разгаре.

«Хорошие свечки дает Картузик», – подумала Натка, глядя на то, как тугой мяч гулко взвился к небу, повис на мгновение над острыми вершинами старых кипарисов и по той же прямой плавно рванулся к земле. Натка подпрыгнула, пробуя, крепко ли затянуты сандалии, поправила косынку и, уже не спуская глаз с мяча, подбежала к сетке и стала на пустое место, слева от Картузика.

– Пасовать, – вполголоса строго сказал ей Картузик.

– Есть пасовать, – также вполголоса ответила она и сильным ударом послала мяч далеко за сетку.

– Пасовать, – повторил Картузик. – Спокойней, Натка.

Но вот он, крученный, хитрый мяч, метнулся сразу на третью линию. Отбитый косым ударом, мяч взвился прямо над головой отпрыгнувшего Картузика.

– Дай! – вскрикнула Натка Картузику.

– Возьми! – ответил Картузик.

– Режь! – вскрикнула Натка, подавая ему невысокую свечку.

– Есть! – ответил он и с яростью ударил по мячу вниз.

– Один – ноль, – объявил судья и, засвистев, предупредил: – Шегалова, Картузик, не переговариваться, а то запишу штрафное очко.

Натка рассмеялась. Невозмутимый Картузик улыбнулся, и они хитро и понимающе переглянулись.

– Шегалова, – крикнул ей кто-то из ребят, – тебя Алеша Николаев зачем-то ищет!

– Еще что! – отмахнулась Натка. – Что ему ночью надо? Там Нина осталась.

Темнота сгустилась. На счете один – ноль догорела заря. На восемь – пять зажглись звезды. А когда судья объявил сетбол, то из-за гор вылезла такая ослепительно яркая луна, что хоть опять начинай всю игру сначала.

– Сетбол! – крикнул судья, и почти тотчас же черный мяч взвился высоко над серединой сетки.

«Дай!» – глазами попросила Натка у Картузика.

«Возьми!» – ответил он молчаливым кивком головы.

«Режь!» – зажмуривая глаза, вздрогнула Натка и еще втемную услышала глухой удар и звонкий свисток судьи.

– Шегалова и Картузик, не переговариваться! – добродушно сказал судья. Но уже не в виде замечания, а как бы предупреждая.

Возвращаясь домой, Натка встретила Гейку; он волок за собой под гору целую кипу гремящих и подпрыгивающих жердей. Узнав Натку, он остановился.

– Федор Михайлович спрашивал, – угрюмо сообщил он Натке. – Меня посылали искать, да я не нашел. Не знаю, зачем-то шибко ему понадобились.

«Что-нибудь случилось?» – с тревогой подумала Натка и круто свернула с дороги влево. Маленькие камешки с шорохом посыпались из-под ее ног. Быстро перепрыгивая от куста к кусту, по ступенчатой тропинке она спустилась на лужайку.

Все было тихо и спокойно. Она постояла, раздумывая, стоит ли идти в штаб лагеря или нет, и, решив, что все равно уже поздно и все спят, тихонько прошла в коридор. Прежде чем зайти к дежурной и узнать, в чем дело, она зашла к себе, чтобы вытряхнуть из сандалий набившиеся туда острые камешки. Не зажигая огня, она села на кровать. Одна из пряжек что-то не расстегивалась, и Натка потянулась к выключателю. Но вдруг она вздрогнула и притихла: ей показалось, что в комнате она не одна.

Не решаясь пошевелиться, Натка прислушалась и теперь, уже ясно расслышав чье-то дыхание, поняла, что в комнате кто-то спрятан. Она тихонько повернула выключатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.